

БРАУНШВЕЙГСКИЕ ДОСПЕХИ: СИМВОЛИКА ДЕВИЗА И НАГРУДНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ИХ СВЯЗЬ С ИСТОРИЕЙ ГЕРЦОГСКОГО ДОМА

«Брауншвейгские доспехи» – название, закрепившееся в оружейно-ведческой литературе за группой схожих по форме и декоративному оформлению доспехов, происходящих из Брауншвейга второй половины XVI века. Одной из наиболее ярких черт этих доспехов является розетка и монограмма, расположенные на левой стороне нагрудников. Вопрос расшифровки значения монограммы, изображения в розетке и обрамляющей ее надписи является центральным в научной дискуссии о брауншвейгских доспехах. В данной статье предлагается новая трактовка нагрудной композиции, опровергающая все приведенные ранее версии.

В коллекции Эрмитажа находятся два доспеха брауншвейгской группы (инв. № З.О.-3935, З.О.-3086). Первый экспонируется в Рыцарском зале (инв. № З.О.-3935), второй находится в закрытой экспозиции в хранилище Арсенала Государственного Эрмитажа (инв. № З.О.-3086) (ил. 1). Всего же известно двадцать два доспеха различного качества и комплектации, при этом лишь два из них лишены розетки и монограммы. Один находится в Вене (инв. № А 400, А 705, Kunsthistorisches Museum, Wien), другой – в Эрмитаже (инв. № З.О.-3935). Подробное описание всех доспехов дает в своей статье Альгейдис фон Рор [Rohr 1988].

Доспехи выполнены в едином стиле, подробно рассмотренном в ряде статей (см. ниже). Однако необходимо сказать о конструктивных особенностях брауншвейгских доспехов. В целом они несут в себе характерные для второй половины XVI века признаки: прежде всего это специфическая форма нагрудника, геометрия пластинчатого подола, общая компоновка и форма элементов. Эти признаки позволяют вслед за другими исследователями отнести доспехи к 60-м годам XVI века. Ряд характерных черт дает возможность утверждать, что доспехи были предназначены не только для ближайшего окружения герцога, но и для менее состоятельных владельцев [подробнее см.: Fuhle 1930].

Однако в рамках заявленной темы нам в первую очередь интересно рассмотреть их декоративное убранство. Декор доспеха, весьма

интересный сам по себе, является характерным образцом символики Ренессанса в декоративном искусстве. Одиночные фигуры и многофигурные композиции, выполненные в технике травления, в ряде случаев – с последующим золочением, являются ярчайшим примером аллегорических изображений эпохи. Сквозным для этой группы доспехов мотивом является сюжет о «девяти мужах славы», подробно рассмотренный М. Анипченко в ряде ее статей [напр., Анипченко, Богданов 2014. С. 207–220].

Стоит оговориться, что более простые доспехи часто не несут на себе богатый декор – неизменным (за исключением двух случаев) остается только факт наличия нагрудной композиции. Центральной ее частью является небольшое изображение, заключенное в своеобразный медальон (ил. 2а, б). Изображение отсылает нас к ветхозаветному сюжету о святом Данииле. Даниил был брошен в ров ко львам за неподчинение религиозному эдикту персидского царя Дария или (согласно апокрифу) за то, что стал причиной гибели священного дракона (змия), которого накормил неперевариваемым месивом из смолы, жира и волос. Пророк Аввакум был извещен ангелом (традиционно считается, что это архангел Михаил) о том, что случилось с Даниилом. Ангел отправил Аввакума взять пищу и затем, подняв его в воздух за волосы, отнес в ров с хищниками в помощь заключенному Даниилу. Господь заградил пасть львам, и Даниил, получив таким образом пропитание и спасение, остался невредимым. Царь, убедившись в силе еврейского бога, бросил противников Даниила на растерзание львам, помиловав его самого. Таким образом, он избежал опасностей благодаря крепости в вере и божественному вмешательству. На медальоне изображен момент, когда ангел спускается к святому Даниилу. Этот сюжет, изображенный на доспехах и в целом известный нам по Ветхому Завету, обретает дополнительный смысл в контексте истории семьи брауншвейгских герцогов.

Медальон со святым Даниилом обрамляет девиз «ACH-HER-MEIN-GOT-VENVT-MICH-NICHT-MER-DAN-SEL-ERE-VND-LEIB-IVLIVS-N-Z-B-V-L»¹. Под медальоном расположено сердце, рукопожатие с пламенем и буквы (инициалы) «Н» и «I». Такой медальон, в частности, изображен и на кирасе доспеха из коллекции Государственного

¹ Дословный перевод: «Ах-господь-мой-бог-не-укрывай-меня-более-тогда-душу-честь-и-жизнь-Юлий, герцог Брауншвейга и Люнебурга».



Ил. 1. Доспех из коллекции Государственного Эрмитажа.
Инв. № З.О.-3086



а



б

Ил. 2а, б. Нагрудная композиция с сюжетом «Даниил во рву львином», обрамленная надписью. Под ней – увенчанное короной сердце, рукопожатия и инициалы «Н» и «I»

Эрмитажа (инв. № 3.О.-3086). Мотивы нанесения розетки и монограммы напрямую никак не объясняются в синхронных времени создания доспеха источниках.

Однако изображение святого Даниила можно назвать характерным для немецкого доспеха примером обращения к религиозной тематике. Вопросы веры и христианской этики находились в Германии XVI века на острие общественной полемики. Аугсбургский религиозный мир 1555 года, положивший конец прямому военному противостоянию, перевел конфронтацию враждующих партий в идеологическое русло. Оружием в этой бескровной, но ожесточенной борьбе должны были стать в числе прочего и изображения на доспехах. Для брауншвейгского герцогства, раздираемого внутренними противоречиями, не менее остро стоял и вопрос о легитимности герцогской власти.

Задачам идеологической борьбы и правомерности власти служит во многом декор на доспехе XVI века – брауншвейгском и не только брауншвейгском. Изображения на доспехах, неся зачастую не только общехристианский, но и узко конфессиональный характер, служат примерами наглядной агитации, созданной для поднятия авторитета правителя и демонстрации его нравственных и религиозных ориентиров. Как показано в статье фон Рор, «Даниил во рву львином» – сюжет, характерный для протестантской иконографии [Rohr 1988. S. 123].

Для того чтобы верно понять смысл изображения и обрамляющей его надписи, необходимо понимать исторический контекст, в котором они были нанесены.

Время с конца правления императора Максимилиана (1515) и до Аугсбургского религиозного мира (1555) стало для Империи временем тяжелых испытаний. Несовершенство имперской системы управления и недовольство текущим положением дел, охватившее практически все сословия, привело к серии военных конфликтов, известных под общим названием «Религиозные войны» [подробнее см., напр.: Schilling 1998].

Герцогство Брауншвейгское не стало исключением – возглавлявший его Генрих Младший был одной из ключевых фигур в борьбе политических партий. Сторонник дела императора на севере Империи, Генрих Младший стал главной мишенью для протестантской пропаганды и основным политическим противником Шмалькальденского союза – объединения протестантских сил Империи [подробнее см.: Heinemann 1886; Jürgens 1978].

С самого начала правления императора Карла V Генрих Младший оказывал ему всестороннюю поддержку, опираясь в свою очередь на авторитет императора. Такая политика не раз спасала Генриха Младшего от политического и военного фиаско.

Так, во время Хильдесхаймской распри [Delius 1803], он получил финансовую, а затем и военную помощь императора [Koldewey 1883. S. 345]. После разгрома армии Генриха в битве при Зольтау [подробнее см.: Stanelle 1982. S. 153–188].

Карл V на рейхстаге в Вормсе потребовал возвращения завоеванных земель и пленников. Генрих Младший вышел победителем из, по сути, проигранной войны, что надолго предопределило его политическую ориентацию – до конца жизни он становится верным сторонником партии императора.

Следующим испытанием для Генриха стала Крестьянская война. Курфюрст Саксонский, Филипп Гессенский и Генрих Младший выступили единым фронтом [Täubrich 1987–1988. S. 97–104; Koldewey 1883]². Генрих Младший, вставший во главе общего войска, привел с собой 250 всадников и 600 пехотинцев [Havemann 1855. S. 210]. Поход против восставших стал триумфом Генриха, активно поучаствовавшего также и в суде над Томасом Мюнцером – предводителем восставших. Он «громко и твердым голосом» [Havemann 1855. S. 216] зачитывает ему статьи христианской веры, явно бравируя своей победой. Этот эпизод, известный в пересказе «Брауншвейг-Люнебургской хроники» [Bünting et al. 1722], интересен прежде всего как пример отношения Генриха к своим противникам-протестантам.

В дальнейшем Генрих Младший, ставший верной опорой дела императора, отправляется в Испанию, к его двору, и, по указанию последнего, участвует в итальянских войнах в качестве одного из командующих имперской армией.

Уже в 1545 году в ходе войны со Шмалькальденским союзом, Генриха вновь спасает лишь покровительство императора – при Калефельде Генрих попадает в плен, однако вмешательство Карла V и победа над протестантами при Мюльберге³ не только дают ему свободу, но и оборачивают ситуацию в его пользу.

² Braunschweig / Hrsg. H. Kuhr. Braunschweig, 1978.

³ Из новейшей литературы следует см., напр.: Held W. Die Schlacht bei Mühlberg / Elbe : Entscheidung auf dem Wege zum albertinischen Kurfürstentum Sachsen. Beucha, 1997.



Ил. 3. Доспех из коллекции Государственного Эрмитажа.
Инв. № З.О.-3086. Фрагмент



Ил. 4. Доспех из коллекции Государственного Эрмитажа.
Инв. № З.О.-3086. Фрагмент

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что к моменту ключевой для нашего повествования битвы при Зиферхаузене, Генрих Младший является верным последователем императора и виднейшим из католических князей Империи. Он возглавляет католические войска и, не жалея себя, ведет вооруженную борьбу с князьями-протестантами.

Однако дальнейшие события смешали для него все карты. В битве при Зиферхаузене в 1553 году в ходе Маркграфской войны [Biegel 2003] погибли оба его старших сына – Карл Виктор и Филипп Магнус. Таким образом, единственным законным наследником герцога оставался его третий сын Юлий, нелюбимый отцом и сам ставший к тому времени последователем Лютера. Отношения между Юлием и его отцом Генрихом принципиально важны для правильной расшифровки нагрудной композиции на доспехе.

Герцог Юлий родился 29 июля 1529 года, в короткий период, когда Генрих вернулся из итальянского похода. Он был назван по имени месяца, в котором родился, – Юлием [Havemann 1855. S. 378]. Само по себе это красноречиво говорит нам об отношении отца к своему младшему сыну: двое старших сыновей – Карл и Филипп – были названы семейными именами.

Характерен также и другой эпизод, во многом предопределивший дальнейшую судьбу Юлия: по недосмотру сиделки в детстве он упал со стола, повредив ногу, что исключало для него возможность военных упражнений и, согласно взглядам того времени, политической власти. Это, вероятно, усугубило отношение его отца, а Юлию была уготована духовная карьера.

В юности Юлий совершил путешествие по Франции, где посетил Париж, Бурж, Орлеан и другие города, а также изучил французский язык.

После этого его привезли в Лёвен по приказу отца, где он был передан под покровительство Адриана Амеро, выдающегося ученого и известного человека, эрудита, автора греческой грамматики и других трудов⁴.

Там же он познакомился с Генрихом Штаппенфеном, который впоследствии стал его гофмейстером. Генрих Штаппенфен упоминается Карлом Ленцом в его «Церковной реформации Брауншвейга»

⁴ Подробнее см.: *Vocht H. de. John Dantiscus and his Netherlandish Friends : As Revealed by Their Correspondence, 1522–1546.* Lowen, 1961; *Bloemendal J. Literary Cultures and Public Opinion in the Low Countries, 1450–1650.* Boston, 2011.

[Lentz, Crussen 1828] как один из «друзей света» («Freunde des Lichts»), имея в виду его принадлежность к евангелической конфессии. Таким образом, вероятно, на этом этапе своей жизни Юлий впитывает в себя идеи Реформации, хотя можно предполагать, что это произошло раньше – во время путешествия во Францию или даже обучения в Кёльне.

Вовлеченный в политику и военные дела, Генрих Младший не уследил за сыном, и Юлий открыто перешел в протестантизм. Это был шаг, явным образом направленный против отца. Лишенный его милости, Юлий бежал из родного Вольфенбюттеля.

По стечению обстоятельств в битве при Зиферхаузене пали в бою оба его старших брата. Таким образом, протестант Юлий остался единственным наследником всех земель и титулов своего отца. В таких обстоятельствах последний приложил все усилия, чтобы Юлий не смог претендовать на наследство. Сначала он хотел легитимизировать своего внебрачного сына от Евы фон Тротт, Айтеля Хайнриха фон Кирхберга, а потом вступил во второй брак: в надежде получить наследников в 1556 году он женился на принцессе Софии, дочери короля Сигизмунда Польского [Rohr 1988. S. 103–128].

Юлий к этому времени уже находился в Кюстрине у своей сестры Катерины и ее мужа, маркграфа Йоханна Бранденбургского. 25 февраля 1560 года Юлий обручился с его племянницей Едвигой, дочерью Йоахима II, курфюрста Бранденбургского. Отец Юлия, будучи ярким католиком, едва ли одобрял протестантский брак своего сына, и, сославшись на слабость здоровья, не поехал на свадьбу, послав вместо себя трех представителей. Он передал своему сыну Юлию отдаленные замки Шладен и Хессен [Havemann 1855. S. 213].

Когда план Генриха обзавестись другим потомком не удался, он прибег к другой хитрости. Генрих Младший вызвал сына, находившегося в Бранденбурге, к себе – это можно расценивать как достаточно хитрый шаг, так как Юлий, звавший об отношении к себе при дворе Генриха, мог отказаться от поездки, что давало отцу легитимный повод отлучить его от наследства. Однако Юлий согласился и поехал в Вольфенбюттель. По прибытии отец пытался отговорить его от приверженности учению Лютера, но Юлий остался непреклонен [Havemann 1855. S. 213].

Также в 1558 году в Испании умирает престарелый Карл V – император, дело которого Генрих отстаивал столько лет и которому столь многим был обязан. Можно предполагать, что его смерть послужила

предлогом для смены линии поведения Генриха. Смерть Карла V фактически избавила Генриха Младшего от обязательства хранить ему верность или, во всяком случае, ослабила этот мотив, хотя это не отмечено ни у одного из исследователей. Это могло сыграть определенную роль также и в отношениях Генриха с сыном.

Действительно, после 1558 года поведение Генриха Младшего начинает меняться. Свидетелями этого могут быть две медали [Brockmann 1985. N 31, 38] – золотая медаль с девизом и профилем Генриха Младшего (1562) и медаль с профилем герцога Юлия (1563), посвященные, как считает фон Рор, примирению герцога Юлия с отцом [Rohr 1988. S. 106]. Когда 15 октября 1564 года у Юлия родился сын, названный Генрихом Юлием, дед радостно приветствовал его – к этому времени их примирение уже, вероятно, состоялось.

11 июня 1568 года герцог Генрих умер, Юлий же стал его полноправным наследником. Он немедленно провел в своем княжестве долгожданную Реформацию, которая к тому времени и так уже давно утвердилась в крупнейших городах.

Точное время и форма соглашения не отражены в источниках, однако, вслед за фон Рор [Rohr 1988. S. 106], можно предположить, что оно произошло между 1560 и 1562 годами, в промежуток между свадьбой Юлия и выпуском золотых медалей.

Разумно предположить, что именно поддержка маркграфа Бранденбургского и заключение с ним союза, скрепленного браком с его дочерью Едвигой, помогли Юлию укрепить свои позиции в отношении отца. Окруженный протестантами и лишившийся наследников, не желая делать свои семейные владения предметом споров и притязаний, Генрих был вынужден примириться с сыном-протестантом, предпочтя, таким образом, родственные узы конфессиональным.

Это примирение фон Рор [Rohr 1988. S. 116] видит основным поводом к нанесению на доспехи нагрудных изображений. Однако прежде чем рассмотреть версию фон Рор о значении изображений, которую на данный момент следует признать основной, необходимо дать краткий обзор историографии, посвященной этой проблеме.

Брауншвейгские доспехи не раз становились предметом научного изучения. Первым их исследователем был Роберт Больман, который в начале XX века в ряде работ описал известные ему доспехи, проанализировал историю собрания, используя при этом инвентарные описи места его первоначального хранения – арсенала замка Вольфенбюттель

[Bohlmann 1913. S. 145–147; Bohlmann 1914]. Его работы, опубликованные в «Газете исторического оружейведения» (*Zeitschrift für historische Waffenkunde*), послужили основой для дальнейшего изучения этих гарнитуров.

Больману принадлежит первая версия датировки изображений и девиза на груди брауншвейгских доспехов. Он утверждает, что доспехи, снабженные розеткой и монограммой, были специально изготовлены для устроенного по случаю свадьбы Юлия и Едвиги турнира или незадолго до него и служили парадным снаряжением участников [Bohlmann 1914a. S. 19]. Их свадьба состоялась 25 февраля 1560 года в Берлине и сопровождалась турниром с копейными шшибками и пешими поединками. На первый взгляд такая версия кажется правдоподобной: связанные линиями и рукопожатием инициалы новобрачных, сердце, увенчанное короной по центру, – все это действительно может показаться брачной символикой, однако эта версия вызывает много вопросов: существует множество доспехов, имеющих на груди розетку, но не несущих на себе монограмму. Впрочем, розетка с девизом могла наноситься по традиции и после свадебного турнира.

Однако ко времени этого состязания примирение сына с отцом еще не состоялось, поэтому маловероятно, что доспехи сподвижников отца были украшены по случаю свадьбы нелюбимого сына, особенно учитывая, что сам Генрих решил не появляться на ней.

Также существует доспех, несущий на себе дату «1549», снабженный при этом и розеткой, и монограммой, что несомненно делает версию Больмана о производстве самих доспехов к свадьбе 1560 года неправдоподобной: к свадьбе могли быть нанесены розетка и монограмма, но никак не изготовлен доспех, что утверждается Больманом. К тому же, как указывает фон Рор [Rohr 1988. S. 116], существует два нагрудника, несущих на себе вместе с розеткой даты «1562» и «1563» – на два и три года позже самой свадьбы, что исключает нанесение розетки к свадебному турниру.

Даже если принять, что монограмма действительно имеет некую свадебную символику, то расположенная рядом с ней розетка ее лишена: «Даниил во рву львином», так же как и обрамляющая розетку надпись, являются религиозными символами, никак не соотносящимися с темой свадьбы.

Таким образом, версия датировки композиции на груди доспехов, предложенная Больманом, представляется маловероятной.

Больман приводит и расшифровку девиза, не говоря ничего о его значении: «ACH-HER-MEIN-GOT-BEHVT-MICH-NICHT-MER-DANSEL-ERE-VND-LEIB-IVLIVS-H-Z-B-V-L». Автор не дает объяснения фразы, однако ее содержание можно дословно перевести так: «Ах-господь-мой-бог-не-укрывай-меня-более-тогда-душу-честь-и-жизнь-IVLIVS-H-Z-B-V-L». Последняя часть верно расшифрована как «Юлий, герцог Брауншвейга и Люнебурга»⁵. Стоит отметить, что смысл девиза не вполне ясен. В частности, непонятно, почему девиз призывает не укрыть, а, наоборот, НЕ укрывать душу, честь и жизнь носителя.

Монограмму, находящуюся под четырехугольной розеткой, Больман относит к герцогу Юлию и его жене Едвиге (Hedwig) [Bohlmann 1914b. S. 255–262].

Еще один труд, первый на русском языке посвященный именно брауншвейгским доспехам, принадлежит Ю. Г. Ефимову, заведующему сектором оружия отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа [Ефимов 1997]. Его работа дает начало изучению упомянутых выше эрмитажных доспехов, до тех пор практически лишенных должного исследовательского внимания (в этой связи характерен указанный в его работе комментарий Больмана: «Из-за болезни господина Ленца мне не удалось получить доступ к доспехам, расположенным в Петербурге» [Bohlmann 1914a. S. 13]).

Необходимо сказать также и о других трудах, посвященных рассматриваемой тематике: это работа Корнелия Гурлита «Немецкие турниры, доспехи и доспешники» [Gurlitt 1889] и каталог Царскосельского музея Флориана Жилия [Gille, Rockstuhl 1835–1853]. Благодаря этим публикациям, доспехи, находящиеся сейчас в собрании Эрмитажа, были вовлечены в научный оборот.

Кроме этого, доспехи брауншвейгского происхождения, великолепно отреставрированные, могут быть обнаружены в аукционных каталогах Питера Файнера.

Нельзя не сказать и об электронной публикации К. Жукова «Свадебные доспехи Юлия Брауншвейгского 1560–68 гг. из Эрмитажа и ГИМа» [Жуков 2012], содержащей, к сожалению, ряд фактических ошибок. В частности, критически важный для трактовки истории доспехов вопрос о вероисповедании жены и сына герцога Юлия был понят автором неверно – так же как и Юлий, они не были католиками,

⁵ Iulius Herzog zu Braunschweig und Lueneburg.

что и стало причиной конфликта с отцом. Автор неверно указывает количество известных доспехов данной группы и забывает об одном из двух брауншвейгских доспехов, хранящихся в Эрмитаже. Девиз на доспехах понят и переведен неверно («Господи, сохрани мою душу, дух и мое тело в целости»). Также автор совершает ряд других оплошностей.

В свете этого задача верной атрибуции изображений и девиза на брауншвейгском доспехе представляется особенно актуальной.

Еще одним трудом, послужившим первоначальным толчком для написания этой статьи, стала работа М. Анипченко [Анипченко 2014]. Работа посвящена прежде всего декору доспеха эпохи Возрождения и представляет собой глубокое исследование заданной темы.

Последней по времени публикацией по теме брауншвейгских доспехов стала статья автора и М. Анипченко в сборнике оружейведческой конференции Артиллерийского музея [Анипченко, Богданов 2014].

Другая работа «Брауншвейгский парадный доспех герцога Юлия», в которой дается анализ более двадцати доспехов, принадлежит немецкой исследовательнице Альгейдис фон Рор [Rohr 1988], она была издана в 1988 году в журнале «Наука о костюме и доспехе» (*Waffen- und Kostümkunde*). Эта статья является наиболее полным на данный момент обзором брауншвейгских доспехов и представляет собой весьма детализированный обзор каждого из сохранившихся доспехов и содержит новый взгляд на смысл девиза и нагрудного изображения. Фон Рор дополняет список из тринадцати доспехов, известных Большану, еще девятью, а также более глубоко прослеживает историю брауншвейгского герцогского дома, что и позволяет по-новому взглянуть на смысл изображений.

Фон Рор предлагает свой вариант прочтения и хронологии нанесения символов и сопутствующих этому событий: медальоны с «Даниилом во рву львином» и девизом герцога Юлия она считает демонстрацией примирения сына-протестанта Юлия с отцом-католиком и, таким образом, признанием его наследственных прав. Так, нанесение композиций на кирасы доспехов она относит ко времени до 1568 года – года смерти Генриха Младшего и перехода власти к Юлию. До сих пор эта версия считалась наиболее правдоподобной.

Однако если принять ее, остается неясным, как протестантский символизм изображения святого Даниила и обрамляющей его надписи может сочетаться с примирением с отцом-католиком, ведь только

после его смерти, уже при правлении сына Юлия, герцогский двор становится протестантским. Таким образом, по версии фон Рор, доспехи, несущие протестантскую манифестацию, предназначались для католического окружения самого ярого католика севера Империи – герцога Генриха. При всей приведенной логике мы не можем признать такую версию правдоподобной.

Примирение, носившее скорее вынужденный характер, не могло стать причиной нанесения на доспех выраженной протестантской символики. Это было бы возможно, если бы на последнем этапе своего правления Генрих Младший отстранился от власти, но этого не произошло. Об этом можно судить также и по тому, что «Брауншвейг-Люнебургская хроника» [Bünting et al. 1722] – основной источник о жизни герцогской семьи – не содержит сведений ни об отказе Генриха от власти, ни о переходе его в протестантизм после смерти Карла V.

Таким образом, необходимо признать неверной и расшифровку инициалов, предлагаемую предыдущими исследователями. Фон Рор предлагает расшифровать инициалы «Н» и «I» как «Heinrich» и «Iulius» (Генрих и Юлий), Больман же как «Hedwig» и «Iulius» (Едвиг и Юлий). Расшифровка монограммы как «Генрих и Юлий» и отнесение изображений на доспехе ко времени примирения отца и сына представляются неверными, так как при остававшемся католиком Генрихе Младшем протестантская манифестация изображения не могла быть востребована. Даже учитывая примирение с сыном-протестантом, у Генриха Младшего не было достаточных причин, чтобы постулировать на нагрудниках своих приближенных-католиков торжество другой конфессии. Что касается версии Больмана о нанесении изображений к свадьбе, то соответствующая расшифровка монограммы как «Едвиг и Юлий» тем более не выдерживает критики. Как было указано выше, нагрудная композиция не могла быть нанесена к свадебному турниру, кроме того, существуют доспехи, несущие на себе даты, исключаящие их появление к этому времени.

Соблазн разнести время нанесения монограммы и розетки также следует отвергнуть в силу их взаимного расположения – меньшая по размеру монограмма не могла быть протравлена ранее, так как в ее расположении явно учтен факт наличия на нагруднике розетки. Розетка же не могла быть нанесена ранее монограммы в силу ее протестантского характера, неуместного при Генрихе Младшем.

Таким образом, необходимо предложить новую версию времени нанесения девиза, инициалов и изображений, а также дать расшифровку как самому девизу, так и расположенным под розеткой инициалам.

Как уже было сказано, в 1568 году умирает Генрих Младший, и власть переходит к Юлию – его сыну-протестанту. Со смертью Генриха ничто не мешало Юлию нанести протестантские символы на нагрудники. Таким образом, девиз, монограмма и изображение святого Даниила были, по всей вероятности, нанесены на доспехи после 1568 года как манифестация протестантского характера правления нового герцога.

Смысл изображенного рукопожатия и увенчанного короной сердца можно объяснить тем мотивом, который при внимательном прочтении несложно увидеть в «Брауншвейг-Люнебургской хронике» [Bünting et al. 1722]: автор, придворный хронист Юлия, проводит мысль о миротворческом характере правления своего герцога, говорит о его примирении с враждебными до этого горожанами Брауншвейга, подчеркивает положительное влияние герцога на благосостояние его подданных.

В контексте истории герцогской семьи оказывается весьма уместным и сюжет со святым Даниилом. Гонимый за свою веру, но выстоявший благодаря твердости в ней, святой Даниил имеет достаточно явные параллели с биографией самого Юлия.

Именно такой смысл, по всей видимости, вложен в монограмму – буквы «Н» и «I» означают «Herzog Iulius», а увенчанное короной сердце и рукопожатие означают всеобщее согласие под рукой новой герцогской власти. Вместе с протестантским характером изображения и девизом на розетке, который следует читать как «Ах, Господь, <если отрекусь от истинной веры (евангелической)>, не защищай тогда мою душу, честь, имущество и жизнь», монограмма служит наглядной агитацией, призванной легитимизировать власть герцога Юлия, подчеркивая ее протестантский характер.

Что касается тезиса фон Рор о примирении отца и сына, следует отнести это событие к 1562 году, связав его с выпуском медалей [Brockmann 1985. № 31, 38]. Это можно признать верным, с той оговоркой, что монограммы на нагрудники доспехов были нанесены позже.

В качестве дополнительного подтверждения новой версии датировки изображений уместно упомянуть о черненном доспехе Генриха Рантцау (1526–1598), современника и товарища герцога Юлия

[Rohr 1988. S. 118]. Этот доспех несет на себе девиз, аналогичный брауншвейгскому: «ACH VENUT NICHT MEHR / DEN LEIB SEHL UND EHR» (Ах не сохраняй тогда / жизнь душу и честь). Этот девиз, расположенный, в отличие от рисунка на брауншвейгских нагрудниках, на доске над изображением распятия, несомненно, связан с доспехами брауншвейгской группы. Вероятно, он был выполнен в знак солидарности с Юлием Брауншвейгским или даже являлся подарком Вольфенбюттельского двора [Rohr 1988. S. 119]. Эта версия, высказанная фон Рор, может служить дополнительным подтверждением датировки изображений временем после прихода Юлия к власти.

Обобщая сказанное, можно сказать, что версии Большмана и фон Рор следует признать ошибочными. Верным представляется датировать нанесение нагрудных композиций периодом после 1568 года, когда герцог Юлий окончательно пришел к власти и мог позволить себе нанести протестантский девиз и изображение на кирасы своих подчиненных.

Источники

Bünting et al. 1722

Bünting H., Letzner J., Rehtmeyer P. J. Braunschweig-Lüneburgische Chronica. Braunschweig, 1722. Bd. 2.

Hanserezess 1905

Hanserezess / Hrsg. D. Schäfer. Leipzig, 1905. Bd. 7.

Letzner 1976

Letzner J. Dasselische und Einbeckische Chronica Hannover. Döhren, 1976.

Luther 1541

Luther M. Wider Hans Worst, 1541 / Glaubensstimme. URL: http://www.glaubensstimme.de/doku.php?id=autoren:l:luther:w:wider_hans_worst (дата обращения: 26.03.2016).

Politische Korrespondenz 1992

Politische Korrespondenz des Herzogs und Kurfürsten Moritz von Sachsen / Hrsg. Dr. J. Herrmann. Berlin, 1992. Bd. 4 : 26. Mai 1548 – 8. Januar 1551.

Politische Korrespondenz 1998

Politische Korrespondenz des Herzogs und Kurfürsten Moritz von Sachsen / Hrsg. Dr. J. Herrmann. Berlin, 1998. Bd. 5 : Januar 1551 – 1. Mai 1552.

Литература

Biegel 2003

Biegel G. Blutige Weichenstellung : Massenschlacht und Machtkalkül bei Sievershausen 1553. Braunschweig, 2003.

Bohlmann 1913

Bohlmann R. Braunschweigische Hochzeitharnische und Hochzeitskette von 1560 // Der Deutsche Herold : Verein für Geschlechter-, Wappen- und Siegelkunde. Berlin, 1913. Bd. 44. S. 145–147.

Bohlmann 1914a

Bohlmann R. Die Braunschweigischen Waffen auf Schloss Blankenburg am Harz // Waffen und Kostümkunde. 1914. Bd. 6, ...h. 10. S. 1–24.

Bohlmann 1914b

Bohlmann R. Die Zeichen oder Monogramme des Herzogs Julius von Braunschweig // Festschrift für Paul Zimmermann zur Vollendung seines 60. Lebensjahres. Wolfenbüttel, 1914. S. 255–262. (Quellen und Forschungen zur Braunschweigischen Geschichte ; Bd. 6).

Brockmann 1985

Brockmann G. Die Medaillen der Welfen. Köln, 1985.

Delius 1803

Delius Ch. H. Die Hildesheimsche Stifts-Fehde des Jahres 1519. Leipzig, 1803.

Fuhle 1930

Fuhle F. Schmiede und verwandte Gewerke in der Stadt Braunschweig : ein Beitrag zur Geschichte des Handwerks und zur Familienkunde Braunschweig. Braunschweig, 1930.

Gille, Rockstuhl 1835—1853

Gille F., Rockstuhl A. Musée de Tsarskoé Sélo ou collection d'armes de Sa Majesté l'Empereur de toutes Les Russies. Saint Petersburg ; Carlsruhe, 1835–1853.

Gurlitt 1889

Gurlitt C. Deutsche Turniere, Rustungen und Plattner. Dresden, 1889.

Havemann 1855

Havemann W. Geschichte der Lande Braunschweig und Lüneburg. Göttingen, 1855. Bd. 2.

Heinemann 1886

Heinemann O. von. Geschichte von Braunschweig und Hannover. Gotha, 1886. Bd. 2.

Jürgens 1978

Jürgens K. Die Reformation in der Stadt Braunschweig von den Anfängen bis zur Annahme der Kirchenordnung // Die Reformation in der Stadt Braunschweig / Hrsg. H. Kuhr. Braunschweig, 1978.

Koldewey 1883

Koldewey F. Heinz von Wolfenbüttel : Ein Zeitbild aus dem Jahrhundert der Reformation. Halle, 1883.

Lentz, Crussen 1828

Lentz G. H., Crussen G. Braunschweigs Kirchenreformation im sechzehnten Jahrhunderte. Leipzig, 1828.

Rohr 1988

Rohr A. von. Die Braunschweigischen Prunkharnische des Herzog Julius // Waffen und Kostümkunde. 1988. Bd. 30.

Schilling 1998

Schilling H. Aufbruch und Krise : Deutschland, 1517–1648. Berlin, 1998.

Stanelle 1982

Stanelle U. Die Schlacht bei Soltau // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Soltau, 1982. Bd. 54. S. 153–188.

Täubrich 1987–1988

Täubrich R. Herzog Heinrich der Jüngere von Braunschweig-Wolfenbüttel : Leben und Politik bis zum Primogeniturvertrag von 1535. Braunschweig, 1987–1988.

Анипченко 2014

Анипченко М. А. Символика декора европейского доспеха XVI в. : дипломная работа. СПб., 2014.

Анипченко, Богданов 2014

Анипченко М. А., Богданов А. Е. Символика декора брауншвейгского доспеха в контексте немецкой Реформации // Война и оружие : новые исследования и материалы / отв. ред. С. В. Ефимов. СПб., 2014. Ч. 1. С. 207–220.

Ефимов 1997

Ефимов Ю. Г. Брауншвейгский «свадебный доспех» XVI века // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского / под ред. М. Б. Пиотровского. СПб., 1997.

Ефимов 2000

Ефимов Ю. Г. Брауншвейгский доспех 60-х гг. XVI в. // Калашников : Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2000. № 3. URL: <http://www.sinopa.ee/kalashnikov/k2000/k0003/k0362/k0362.htm> (дата обращения: 26.03.2016).

Жуков 2012

Жуков К. А. Свадебные доспехи Юлия Брауншвейгского 1560-68 гг. из Эрмитажа и ГИМа // MReen.org. 2012. URL: <http://mreen.org/Zhukoff/svadebnye-dospehi-yuliya-braunshveygskogo-1560-68-gg-iz-ermitazha-i-gima.html> (дата обращения: 26.03.2016).